

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА» В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ, ВЫЗОВОВ, КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ, РУКОВОДИТЕЛЬ
ПРОЕКТА «НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА»
ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

**Виктор Владиславович
Зубарев**

ПОЛИТОЛОГ, НАУЧНЫЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
«НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА»
ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

**Андрей Яковлевич
Большунов**

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Первый тезис состоит в том, что новая экономика рождается на стыке ряда глобальных трендов, вызовов и ключевых проблем (know-stopper), беспрецедентных технологических возможностей и столь же беспрецедентных ставок в истории человечества (на кону само выживание вида homo sapiens). Традиционная экономика не в состоянии эффективно функционировать в условиях новых глобальных трендов и вызовов, распорядиться беспрецедентными технологическими возможностями и столь же беспрецедентными ставками в истории человечества, противостоять ключевым проблемам (так называемым стопперам), поэтому она должна измениться.

Эти изменения относятся не только к технологическому содержанию, но и к общественной форме экономической деятельности. «Хорошая» общественная форма дает экономике стимулы, направление, весь спектр благоприятных для экономической деятельности общественных условий; «плохая» – экономику угнетает, деформирует. Сложившаяся у нас общественная форма экономической деятельности генерирует инерционную экономику.

Однако не нужно забывать, что «...глубокие и устойчивые преобразования нашей эпохи коренятся не в технологии, а в обществе и культуре» (Р. Флорида). Россия располагает огромным человеческим потенциалом, но этот потенциал сегодня не «капитализирован». Чтобы напор воды преобразовывать в электроэнергию, нужны турбины. У нас «напор» человеческого потенциала есть, а «турбин», которые трансформировали бы его в капитал, нет. Если эта метафора верна, Россия может перейти на инновационную модель развития и построить новую экономику.

Чтобы составить представление о новой экономике, нужно разобраться в образующих ее трендах, вызовах, «стопперах», возможностях и ставках.

Беспрецедентные ставки (что стоит на кону):

- Повышение конкурентоспособности России, сохранение стратегических позиций и ролей в мировой экономике.
- Формирование общественных форм экономической и политической деятельности, качества и образа жизни, удовлетворяющих потребностям самосознания, гуманности.
- Сохранение культуры, этики, социальной и личностной идентичности. Несомненно, что нам предстоит измениться. «Человечество подошло к необходимости очередной перестройки характера своей эволюции, ее механизмов» (Н. Моисеев). Но каким будет направление этих перемен и насколько они окажутся глубокими?
- Сохранение обороноспособности, суверенитета и существующих границ России.
- Само выживание человечества в целом.

Сможем ли мы ответить на вызовы, связанные с ограниченностью источников энергии и жизненных ресурсов – по сути, источников существования?

Беспрецедентные возможности (технологическая сингулярность, взрывоподобный рост технологических возможностей). Нас ожидает стремительный рост технологических возможностей, которые станут, по существу, безграничными. Автор концепции технологической сингулярности Вернор Виндж связывал сингулярность с информационными технологиями, с развитием искусственного интеллекта. Но не меньший вклад, несомненно, внесут биоинженерия и нанотехнологии (наноассемблер), информационно-технические системы типа Smart Grid, естественно-искусственные системы (например, «геобиотехноценозы» или организмы, содержащие искусственные трансплантаты). Технологическая сингулярность станет источником наиболее впечатляющих перемен. Сегодня наиболее заметными и значимыми ее проявлениями являются футуризация, глобализация и ускорение темпов обновления технологий, основных фондов и рынков.

Футуризация. Из перечисленных проявлений сингулярности феномен футуризации осмыслен менее всего, но именно ему принадлежит решающая роль в трансформации (инноватизации) экономики, общества и культуры. В. Сурков фактически приравнивает футуризацию к инновационному развитию: «подразумеваются два направления работы. Первое – это непосредственно модернизация, то есть подтягивание экономики до современного уровня... Вторая часть куда сложнее. Ее можно было бы назвать футуризацией... Она требует создания особого культурного и психологического климата. Это, собственно говоря, и есть путь инновационного развития». Для осуществления футуризации необходимо внедрять в практику (в управление, экономику, науку и образование) инструменты управления будущим, основным из которых является форсайт.

Форсайт «четвертого поколения» – это:

- практика управления будущим;
- методология и технология управления будущим;
- специфически организованная «практика интеллектуальной индустрии», в которую вовлечены различные заинтересованные группы (стейкхолдеры) и экспертные сообщества;
- искусство использования шансов, возможностей,
- системный инструмент формирования будущего, позволяющий учитывать возможные изменения во всех сферах общественной жизни: науке, технологиях, экономике, образовании, социальных отношениях, культуре.

Очевидно, что тот, кто располагает практиками обращения с будущим, располагает и явными преимуществами. Но главным уроком футуризации (форсайта) стало выявление того, что даже «ближнее будущее» находится в «коллективной собственности». Форсайт можно считать успешным лишь в том случае, если в результате него сложился достаточно широкий общественный консенсус. Будущее можно перестроить на основе сотрудни-

чества различных социальных групп, власти, интеллигенции, бизнеса. Там, где «менталитет сотрудничества» отсутствует, будущее неуправляемо.

Второе проявление технологической сингулярности – *ускорение темпов обновления товарной номенклатуры, технологий, основных фондов, рыночных ниш.* Обновление товарной номенклатуры стимулируется явными и скрытыми инвестициями в потребление, призванными ускорить жизненные циклы товаров и «снять сливки» на ранних этапах их распространения, пока конкуренты еще не успели создать аналоги. В ускорении жизненных циклов товаров и фондов все более существенную роль играют критические (рубежные) технологии. Экономика, не способная функционировать в условиях быстрого обновления товарной номенклатуры и технологий, обречена на деградацию.

Но как быть с нагрузками на экономику: снижением капиталотдачи вследствие быстрого замещения фондов, инвестициями в потребление, рисками появления рубежных инноваций, возможностями манипулирования рынками? Искусственное расширение инновационного сегмента экономики внутри традиционной, то есть без изменения целого, без изменения общественной формы экономической деятельности, подобно раковой опухоли. И в традиционной экономике, пораженной «метастазами инноватизации», как в онкологии, всегда будет вестись отсчет срока выживаемости.

Третьим впечатляющим проявлением технологической сингулярности является *глобализация.* Наша зависимость от расстояний повержена (используя выражение Ж. Бодрийяра) развитием средств связи, инфокоммуникационных систем, транспортных систем, «символической экономики» и пр. Для путешествия в Китай 700 лет назад требовалась вся жизнь, сегодня можно обернуться в течение суток. Но чтобы вести бизнес в Китае, не надо и этого – достаточно Интернета. В настоящее время таможенные границы сдерживают товарооборот больше, чем расстояния. О глобализации написано много, поэтому мы не будем распространяться на эту тему.

Основным трендом, формирующим новую экономику, является возрастание доли и роли нематериальных активов в экономике. По оценкам экспертов, в капитализации 500 крупнейших американских компаний из каждых шести долларов пять представляют нематериальные активы и только один – материальные. Нематериальные активы составляют не менее двух третей всех активов развитых экономик.

Напротив, в значительном числе отраслей российской экономики нематериальные активы вообще не находят отражения в рыночной стоимости компаний. Это характерно для таких секторов экономики, как машиностроение, связь, добывающая промышленность и др. В конечном итоге это является отражением того обстоятельства, что «рубль, вложенный в нематериальные активы, приносит 4,16 рубля, а в материальные активы – 9,04 рубля» (Д.А. Волков, Т.А. Гаранина).

Важно понимать, что проблема не сводится к количественному соотношению материальных и нематериальных активов. Речь идет о *превращении немате-*

риальных активов в основную «субстанцию капитала» и об изменении вследствие этого основной формы капитала. Отечественная же экономика не располагает эффективными инструментами и институтами обращения и капитализации нематериальных активов, поэтому инвестиции в нематериальные активы оказываются невыгодными, а их учет не востребуемым. В России востребованной остается «экономика фабричных труб», вследствие чего неизбежным становится экономическое развитие по инерционному сценарию.

В России новой экономикой называют, как правило, «экономику знаний», не уделяя должного внимания второму ее сектору – «экономике ценностей» (Й. Кунде) и «креативной индустрии»¹, в которой основным активом являются бренды, а импульс к развитию заложен в «капитализации индивидуальности, в стратегиях конкурентной борьбы, основанных на индивидуальности» (М. Портер).

Эти изменения в экономике выдвигают на первые роли новый, по определению Р. Флорида, креативный класс, «экономическая функция [которого] делает его естественным – и даже единственно возможным – общественным лидером XXI века». Захватывая нематериальные активы, экономика становится сферой непосредственного обращения индивидуальности. Все это вместе означает конец «экономики фабричных труб».

Глобальные, страновые и региональные вызовы. Глобальные вызовы связаны прежде всего с энергетикой и экологией. В экологии и энергетике инновации являются не следствием избытка возможностей, как в некоторых других областях, а необходимостью – ответом на вызовы, которые угрожают функционированию экономики, качеству и образу жизни, самому существованию человека.

При этом вызовы, связанные с экологией, вынуждают к разработке все более дорогостоящих природоохранных и природовосстановительных технологий и мероприятий, к реализации капиталоемких программ. Все это ведет к росту экологических издержек, и вскоре, по мнению известного ученого И. Валлерстайна, человечеству придется решать, на кого возложить эти издержки – на бизнес или на население. В зависимости от выбора это приведет либо к фундаментальной нерентабельности бизнеса, либо к существенному снижению качества жизни населения. Поэтому, считает И. Валлерстайн, «осуществление масштабных природоохранных мер окажется тем ударом, который окончательно подорвет жизнеспособность капиталистического мирохозяйства». Удовлетворительного решения этой проблемы нет.

Что касается энергетики, то, по оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), в разработку 170 технологий, которые должны стать ответом человечества на вызовы энергетики, нужно инвестировать до 2050 года более 60 трлн. долларов. Еще 50 трлн. долларов придется инвестировать в предотвращение и амортизацию наиболее значимых экологичес-

ких последствий «новой энергетики». Итого – не менее 110 трлн. долларов в течение 40 лет. Но, констатируют эксперты, таких инвестиционных денег в мире нет!

Россия, помимо глобальных, стоит и перед собственными, специфическими вызовами. Так, например, потребность регионов в инвестициях только на восстановление ЖКХ составляет десятки и даже сотни миллиардов рублей, общая потребность России в инвестициях – триллионы рублей. Существуют серьезные проблемы с энергосбережением и повышением энергоэффективности.

Очевидно, что ответы на эти и многие другие вызовы требуют неординарных решений.

Ключевые проблемы («стопперы»). Обсуждая состояние инновационной сферы России, китайский эксперт Сюй Чэнган, профессор школы экономики и финансов Гонконгского университета, обратил внимание, что, говоря о технологиях, нельзя забывать о ключевой проблеме России – ее *системе управления*. Без понимания этого, даже на самом общем уровне, никакие грандиозные планы и национальные проекты не будут иметь содержания и не достигнут успеха.

К ключевым проблемам России следует отнести *экономическое и политическое положение креативного класса*. По оценкам Р. Флорида, Россия, имея второй в мире по численности креативный класс, находится в конце списка развитых и динамично развивающихся стран по показателям, отражающим влияние этого класса, его роль в экономике и в принятии общественно значимых решений. Инновационная экономика – вообще есть экономика, соответствующая потребностям самосознания креативного класса, его стратегическим интересам, его ментальности. И наивно полагать, что можно создать новую экономику, не предоставив креативному классу решающего голоса в разработке и принятии относящихся к становлению этой экономики решений. Причем, замечает Р. Флорида, «традиционные формы гражданской активности креативный класс не устраивают» и «если мы не изобретем новые формы гражданской активности, возникнет вакуум – ситуация, которая в конечном итоге ограничит нашу способность к экономическому росту».

Сказанным, безусловно, не исчерпываются проблемы («стопперы»), сужающие перспективы России в новой мир-экономике.

Второй тезис состоит в том, что контуры новой экономики еще только формируются (это следует из всего вышесказанного), лекала, по которому ее можно скроить, не существует; соответственно, формирование новой экономики – абсолютно творческая задача. Это значит, что все преимущества на сегодня относительны, имеющиеся модели инновационного развития в долгосрочной перспективе могут оказаться тупиковыми и впереди окажется тот, кто совершит креативный и методологический прорыв.

¹ В соответствии с определением министерства культуры, прессы и спорта Великобритании, в экономике которой «креативная ин-

дустрия» занимает достойное место, к сектору «креативной индустрии» относятся реклама, архитектура, искусство и рынок анти-

квариата, ремесла, дизайн, высокая мода, кино- и видеоиндустрия, игровая индустрия, музыка, исполнительское искусство, услуги по про-

граммированию и вычислениям, телерадиовещание.

Третий тезис – будущее не предопределено. Одним из основных итогов развития практик форсайта (как, впрочем, и уроков истории) стало понимание того, что будущее не столько предвидится, сколько делается людьми на основе формирования общего видения, отражающего самый широкий спектр мнений и мотивирующего принятие конкретных решений.

Наконец, *четвертый тезис*: стратегические цели инновационного развития экономики России целесообразно сформулировать в терминах нашего участия в трендах, ответах на вызовы и освоении технологических возможностей.

Основные выводы:

1. Заниматься инновационной экономикой – значит включаться в поиски ответов на глобальные вызовы, пытаться соответствовать трендам, осваивать новые технологические возможности, то есть находить свое место в этих процессах и обстоятельствах. Строить новую экономику – значит изменяться сообразно этим обстоятельствам (изменять себя, изменяя обстоятельства своей жизни).

2. Новая экономика – большая и рискованная игра, и Россия входит в нее с очень высокими ставками и не с лучшим раскладом карт.

**ПОЛЕЗНЫЕ МОДЕЛИ, КОНЦЕПЦИИ,
ИДЕИ, КОТОРЫЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНО
ИНТЕГРИРОВАТЬ В СТРАТЕГИЮ
ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Несмотря на то что лекала, по которому можно скроить новую экономику, не существует, есть модели, концепции, идеи, которые мы оцениваем как перспективные. Эти модели, на наш взгляд, целесообразно задействовать в концепции и стратегии инновационного развития отечественной экономики.

Ключевые модели, концепции и идеи:

1. Роль и конкуренция городов как «точек роста» и «центральных мест» каркасно-сетевой структуры новой мир-экономики (М. Паркинсон, А. Хардинг, Р. Флорида, Ч. Лэндри и др.).

2. Новая теория экономического роста (П. Ромер, Э. Лукас) и модель открытых инноваций (Г. Чесбро), согласно которым источником роста являются бизнес-идеи, бизнес-модели, в контексте которых востребованы НИР и ОКР.

3. Эвристическая модель инновационной среды (А.Ю. Юданов и Х. Фризевинкель), пересекающаяся с инструментами повышения инновационности экономической среды, предлагаемыми концепцией открытых инноваций Г. Чесбро.

4. Концепция креативного класса и креативного капитала (Р. Флорида).

5. «Экономика ценностей» (Й. Кунде) и значение сектора «креативной индустрии» в новой экономике.

Стратегии конкурентной борьбы, основанные на индивидуальности (М. Портер).

6. Сетевые формы организации в бизнесе.

7. Новое качество институтов интеллектуальной собственности (не столько защита, сколько обращение и капитализация, start-up как товар).

8. Футуризация управления и образования как метатренд. Форсайт как новая социокультурная практика (Е.В. Семёнов).

9. Концепция базисных и инкрементных инноваций, образующих новый технологический уклад жизни и экономики; связанные с базисными инновациями технологические блоки и платформы развития, кластеры.

10. Институциональная теория и теория экономических прав собственности (Д. Норт, Р. Коуз и др.)

11. Модели инфраструктурного и, более широко, нишевого обеспечения новой экономики.

12. Модели «сведущего потребителя», располагающего достаточными пользовательскими компетенциями и установками на новизну. Значение пользовательских компетенций в формировании конъюнктуры на инновационную деятельность и мейнстримов как аттракторов инновационной экономики².

Рассмотрим некоторые (наиболее важные) из названных концепций и моделей подробнее.

Роль и конкуренция городов как «точек роста» новой экономики. Города конкурируют за место, роли, ниши в мир-экономике. «Экономическая логика поощряет города конкурировать друг с другом», и сегодня «возрастает признание экономических возможностей городов, понимание важности экономической конкуренции между городами» (М. Паркинсон, А. Хардинг). Выигрывая в этой конкуренции, города занимают место центров каркасно-сетевых структур новой экономики. Поэтому «городская политика развития, вероятно, станет наиболее важным фактором на этом этапе конкурентной борьбы» (М. Паркинсон, А. Хардинг).

Города, участвующие в этой конкурентной борьбе, можно назвать городами-предпринимателями (М. Паркинсон, А. Хардинг). Поскольку XXI век характеризуется тем, что способность города войти в «апикальную меристему» экономики определяется его состоятельностью в конкуренции за креативный класс, креативный капитал (Р. Флорида, Ч. Лэндри), постольку города-предприниматели должны стать креполисами.

Российским городам, по крайней мере избранным, нужны поддерживаемые государством стратегии развития в качестве городов-предпринимателей, креполисов. России нужно срочно формировать свою «апикальную меристему» новой экономики, и одно Сколково, согласно известной поговорке, в поле не воин. Новая экономика – не пленка, равномерно покрывающая всю поверхность; новая экономика – скорее, сеть горных вершин, у каждой из которых есть свое подножие. Как говорил Ф. Бродель, «даже США имеют собственные «развивающиеся страны» в пределах своих границ». Перед

² Аттрактор – сток; область притяжения траекторий, точка, к которой стремится динамическая система.

Россией стоит дилемма – создавать свою цепь «горных вершин» или служить подножием чужих городов. *Формирование сети городов-предпринимателей, креативных, образующих «атикальную меристему» инновационной экономики России, должно стать генеральным направлением российской инновационной политики.*

Условия, которым должен удовлетворять город-предприниматель, в принципе известны. Соответственно, можно сформулировать требования к стратегиям, обосновывающим притязания города на роль предпринимателя, креативного развития городов.

Идеецентричный бизнес. Согласно новой теории экономического роста П. Ромера и Э. Лукаса, «экономика основана скорее на идеях, чем на материальном производстве... если мы перестанем искать новые идеи, то наша способность к росту будет серьезно ограничена». На ведущей роли бизнес-идей настаивает модель открытых инноваций Г. Чесбро. Он утверждает, что инновационная деятельность концентрируется именно в сфере разработки новых бизнес-моделей, а не вокруг собственно генерирования новых продуктов и технологий.

Таким образом, вопреки распространенному мнению, *источником инноваций и роста является не сама по себе наука, а захватывающие воображение предпринимателей бизнес-идеи, в контексте которых востребованы НИР и ОКР.*

В России идеецентричный бизнес – редкость. Чтобы запустить двигатель инновационной экономики, *нужно добиться, чтобы идеецентричный бизнес стал российским мейнстримом, то есть главным направлением.* Бизнес-идеи захватывают воображение предпринимателя:

- обещанием коммерческого успеха;
- перспективами стратегических ролей в тех или иных сегментах экономики, процессах, трендах;
- значимостью, исключительностью достигнутых результатов, воплощенных в продукте, товаре, услуге;
- перспективами вывода на рынок брендов, создания бизнеса, основанного на индивидуальности.

С этими факторами должны быть связаны преференции и льготы, стимулирующие развитие идеецентричного сегмента отечественной экономики.

Креативный класс и креативный капитал. О креативном классе и его миссии в инновационной экономике сказано уже много. Поэтому здесь только резюмируем: *концентрация, самоидентификация³, мобилизация креативного класса являются основными задачами инновационной политики.* Поскольку же «традиционные формы гражданской активности креативный класс не устраивают» (Р. Флорида), решение этой задачи предполагает развитие новых форм и практик демократии⁴, направленных на формирование «общего видения» развития страны и отражающих «главные принципы креативной эпохи». Такое общее видение должно «определять курс для вновь формирующихся групп и придавать новое направление деятельности существующих учреждений и органов власти», мотивировать конкретные управленческие решения, стратегии бизнеса и т.п.

Новое качество институтов интеллектуальной собственности. Разрабатываемая Р. Флорида концепция креативного капитала предполагает смещение акцентов с защиты интеллектуальной собственности на обращение и капитализацию интеллектуальных активов (в этом с ним, видимо, солидарен Г. Чесбро).

Футуризация. О футуризации в целом сказано достаточно. Важно еще раз подчеркнуть, что, во-первых, последовательное внедрение полноформатных практик форсайта⁵ должно стать инструментом футуризации и инноватизации управления. Во-вторых, футуризация образования, то есть осуществление образования в контексте формирующих будущее вызовов, трендов, возможностей, ставок, должна стать ключом к футуризации общества.

Рассмотренные выше концепции определяют тот круг условий, при отсутствии которых не будут работать ни институты, ни технологические платформы, ни инфраструктура.

Прочие концепции и модели, учитывая их важность: базисные и инкрементные инновации, образующие новый технологический уклад жизни и экономики, технологические блоки и платформы развития, институциональная архитектура новой экономики и релевантная ей структура экономических прав собственности, модели инфраструктурного и нишевого обеспечения новой экономики, концепция сведущего потребителя – могут стать предметом подробного рассмотрения в дальнейших исследованиях.

³ «Сегодня члены креативного класса должны осознать, что их экономическая функция делает их естественными – и даже единственно возможными – общественными лидерами XXI века. Возникнув недавно, креативный класс еще не осознал себя как класс... Креативный класс обязан

наконец осознать свою важность, равно как и факт собственного существования» (Р. Флорида).

⁴ Например, речь может идти о развитии практик и институтов делиберативной демократии (deliberate – «обдумывать, обсуждать, взвешивать, совещаться»). Основу разработанной

Ю. Хабермасом делиберативной модели демократии составляют дискурсивные практики, ориентированные на формирование «сведущего гражданина» и обеспечивающие гражданам реальное участие в обсуждении и принятии общественно важных решений.

⁵ Россия едва-едва осваивает технологический форсайт, в то время как в мире форсайт становится специфической делиберативной практикой, захватывающей все стороны жизни общества в ракурсе той или иной конкретной проблемы.